

Шведов С.В. «О дальнейшем отступлении & не было и помышления»?

// Военно-исторический журнал. 1998. №1. С.25-30.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

В ходе Отечественной войны 1812 года русская армия, первоначально уступавшая неприятелю в численности в два раза и имевшая против себя войска под предводительством полководца высочайшего класса, сумела избежать поражения, выравнить соотношение сил, а затем принудить неприятеля к отходу. По мнению практически всех исследователей войны 1812 года, отступление было единственно верным способом действия русской армии, в вот о том, как оно осуществлялось: по четко отработанному плану или стихийно, в зависимости от складывавшейся обстановки, ученые безуспешно спорят уже почти два века. Большинство историков не признавало существования, а тем более неуклонного исполнения плана глубокого отступления русской армии. Сложилось общее мнение: отступление не являлось делом свободного выбора, а было суровой необходимостью. Кстати, следует заметить, что отступление всегда суровая необходимость. Некоторые исследователи считали, что русская армия отступала из-за колебаний и ошибок командования, исправлявшихся в последний момент{1}. В качестве главного аргумента они выдвигали отсутствие письменного плана отступления, утверждая, что более поздние свидетельства М.Б. Барклая де Толли и императора Александра I о существовании такого документа плод их уязвленного честолюбия. Эта точка зрения подтверждалась наличием наступательных планов и подготовкой к переходу границы накануне войны, ошибочностью плана Фуля, по которому была развернута и пыталась действовать русская армия, отрицательным влиянием императора Александра I на действия командования, неоднократным объявлением М.Б. Барклаем-де-Толли в приказах и письмах решения дать генеральное сражение, а также менее высоким по сравнению с М.И. Кутузовым уровнем его стратегического мышления.

Другая точка зрения, представленная в российской историографии М.И. Богдановичем, В.В. Пугачевым, Н.А. Троицким, заключается в том, что план отступления существовал и даже был реализован, правда, не точно в том виде, в каком был задуман{2}. Аргументировалась она многочисленными высказываниями, начиная с 1807 года, Барклая и Александра I о возможности победы над Наполеоном путем заманивания противника в глубь территории, лишения его всех припасов, затягивания войны до зимы, создания многочисленных резервов, а также тем, что командующий русскими войсками и одновременно военный министр М.Б. Барклай-де-Толли неуклонно следовал принципу сохранения армии. В.В. Пугачев утверждал, что Барклай сочетал маневренные отступательные действия с наступательными, используя большие пространства России и ее суровый климат. При этом армия сохранялась и усиливалась. Письма, адресованные полководцем разным лицам и отправленные 10 августа{*} 1812 года, по мнению ученого, доказывают неизменность его истинных планов, которые военный министр вынужден был скрывать от многих представителей военной и гражданской власти{3}.

Некоторые историки, придерживаясь в целом одной точки зрения, не опровергали и другую. Так, А.И. Михайловский-Данилевский писал, что план был оборонительный и по нему надлежало сообразовываться с движениями неприятеля. "О дальнейшем отступлении

(далее Дриссы. С Ш.) во внутренность империи не было и помышления. Оно совсем не входило в соображение при начале войны... Перенесение театра войны в сердце России произошло, не от намерения, заранее принятого, но было следствием обстоятельств..."{4}. В книге приводится письмо Александра I его наставнику, ставшему председателем Государственного Совета, Н.И. Салтыкову от 4 июля 1812 года, показывающее глубокое понимание царем вопроса и свидетельствующее, насколько сложно проводить в жизнь стратегию уклонения от генерального сражения до момента сформирования "второй стены", т. е. резервов, в глубине государства. В этом письме царь сообщает об отданных им распоряжениях по сбору в Калуге резервного корпуса и созданию двухмесячного запаса продовольствия.

Вопрос о существовании плана отхода в глубь страны трудноразрешим еще и потому, что в приказах и переписке Барклай и царь давали основания к сомнению в следовании ему. Как тот, так и другой, видимо, реально оценивая положение дел, понимали преимущества отступления армии. С одной стороны, отходя, войска используют заранее подготовленные базы снабжения, укрепленные позиции, места для отдыха людей и лошадей, в то время как неприятель ничего этого не имеет (его силы расходуются на преодоление всех препятствий в гораздо большей степени, чем обороняющихся{5}), с другой - захваченные обширные провинции несут ущерб, переставая служить поддержкой армии, боевой дух воинов, народа в такой ситуации может быть подорван, а верховная власть настолько ослаблена, что не сможет осуществить задуманный план разгрома врага. Таким образом, перед командующим, решившимся подготовить уничтожение противника путем отступления, стоит нелегкая задача: сберечь и усилить армию, не утратить боевого духа воинов и саму власть в армии и стране до того момента, когда общество убедится в правильности избранного способа действий.

Барклай глубоко понимал объективные условия, лишаящие Наполеона возможности реализовать превосходство своих сил в войне с Россией. Об этом свидетельствует его беседа с историком Г. Нибуром в 1807 году в Кенигсберге, впервые приведенная в труде М.И. Богдановича{6}.

О роли пространств и трудностях снабжения войск в России говорили крупнейшие военные авторитеты. М.И. Кутузов в долгих беседах с пленным французским генерал-интендантом М.Л. де Пюибюском в середине ноября 1812 года пришел к выводу: "Война, предпринятая им (Наполеоном. С Ш.) против государства, столь обширного, как Россия, есть такая глупость..."{7}. Соперник Наполеона в кампании 1806-1807 гг. генерал Л.Л. Беннигсен писал: "Один взгляд на карту должен был утешить Наполеона и убедить в невозможности с армиями своими пройти эту империю так же легко, как иное государство Европы. Его -26- должна была удерживать от этой войны мысль о трудности рассчитать средства России"{8}. Русские военные теоретики от Г.А. Леера до А.А. Свечина так же, как представители германского и австрийского генеральных штабов, прекрасно понимали роль исключительных условий театра войны в России, где при наступлении далее известных пределов неминуемо следует гибель{9}. В.И. Ленин, защищая свою позицию по Брестскому миру 1918 года, утверждал: "...нас спасала и спасет громадность территории..."{10}.

Ф. Энгельс, размышляя о природе военной мощи России, писал: "...она (Россия. С Ш.) почти абсолютно недоступна для завоевания вследствие бездорожья, протяженности территории и бедности ресурсов"{11}. В свое время И.В. Сталин, выступив с критикой статьи

Ф. Энгельса "Внешняя политика русского царизма", лишил советских историков возможности сослаться на приведенное выше высказывание.

В XIX веке отечественные историки избегали этой темы как по причине ее неизученности, так и по соображениям цензуры, видевшей в ней ущерб для военно-политического престижа России. Исключение составил М.И. Богданович, написавший свой труд после поражения России в Крымской войне 1853-1855 гг., в которой "большие пространства" также сыграли свою роль, в данном случае отрицательную. В конце Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. также по соображениям престижа этот вопрос не поднимался. Пытавшийся говорить о роли пространства академик Е.В. Тарле был подвергнут резкой критике на совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 года. В ответ на свою мысль: "...один из факторов этой победы (над гитлеровской армией. С Ш.) заключается в ... громадной территории... Говорить об этом факторе... как о каком-то недоразумении совершенно не приходится" - он услышал резкие, но невразумительные по сути возражения{12}.

Наиболее четко взгляды идеологических чиновников на роль пространств выразил С. И. Кожухов в журнале "Большевик" (1951. № 15): "Тарле видит обреченность похода Наполеона против России не в героической борьбе русского народа и в полководческом искусстве Кутузова, а в обширных пространствах России и в тактике "выжженной земли"... Театр войны имел скромные возможности по содержанию войск. Если в Польше при плотности населения вдвое большей, чем в Литве, французская 120-тысячная армия все же смогла обеспечить себя фуражом и провиантом, то в западных районах России при отсутствии запасов она могла содержать не более 60 тыс. человек{13}. В свете этих данных становится понятным, почему многие русские опытные генералы ошибались, считая, что Наполеон начнет военные действия с армией, не превышающей в общей сложности 200-250 тыс. человек. Для истощения таких сил не требовался отход в глубь страны. Русское командование целенаправленно использовало фактор больших пространств. Уже в 1807 году в России началась серьезная подготовка к длительной войне. На случай быстрого восстановления разбитой армии создавался запас вооружения, боеприпасов, обмундирования в Петербурге, Москве, Киеве (т. е. далеко от границ). Армейские резервы располагались в три линии: на рубеже рек Западная Двина, Днепр; на линии Петербург Тверь Харьков, от Костромы до Воронежа, т. е. восточнее Москвы. Их общая численность достигала 150 тыс. человек. Запасы продовольствия к лету 1812 года были сконцентрированы не только в приграничном районе, но и на большой глубине: в Новгороде, на реке Десне в Орловской (Трубчевск) и Черниговской (Сосница) губерниях{14}.

О каких серьезных наступательных планах можно говорить, когда на перевозку запасов и подтягивание резервов ушло бы несколько месяцев? Намерение русского командования вторгнуться в герцогство Варшавское и Пруссию не противоречило подготовке возможного глубокого отступления. Целью превентивного наступления являлось максимальное отдаление на запад начала той зоны "выжженной земли", по которой хотели заставить идти Наполеона. Тем самым тяготы войны частично перекладывались с плеч российского народа на соседей. Такой вывод подтверждается документами.

Отсутствие письменного плана отступления войск, действительно является фактом. Статс-секретарь В.Р. Марченко, заведовавший канцелярией императора Александра, в своих записках подтверждал: "...в канцелярии государя никаких следов этого плана не было... Без

сомнения, план был, но, думаю, нерешительный и основанный на том, чтобы не оставлять у себя в тылу Литву... Едва ли не все предоставлялось времени и пространству" {15}. Мог ли реально быть принят план глубокого отступления до начала войны? Поскольку действия обороняющейся стороны целиком зависят от соотношения сил и намерений наступающих, то детальный план отступления мог иметь несколько вариантов, одним из которых являлся план, разработанный военным советником императора Александра I Карлом Фулем в 1810 году.

Надо сказать, что глубокое отступление рассматривалось русской стороной лишь как наихудший для нее вариант. Мероприятия по его подготовке вполне укладывались в упомянутые выше планы укрепления обороноспособности государства. В любом случае план отступления должен был быть совершенно секретным документом, знакомить с которым в полном объеме всех главнокомандующих армиями было необязательно. Александр I вполне мог ограничиться изданием конкретных именных указов.

Один из основных моментов в исполнении любого плана следование его духу, принципам. По словам Наполеона, на войне нужно "действовать как можно сообразнее с принципами и затем все остальное предоставить случаю". Для -27- плана отхода такими принципами являлись: всемерное ослабление противника при максимальном сохранении собственных сил путем отступления одной из армий перед более сильным неприятелем и удара во фланг армией, против которой враг имеет меньшие силы; лишение его возможности использовать ресурсы захваченных территорий; подготовка значительных людских и материальных резервов в местах и ко времени, где и когда ожидается перелом в войне; избежание внутренних конфликтов, способных подорвать волю армии и государства к победе, до момента создания всех необходимых предпосылок.

В письменном плане, составленном М.Б. Барклаем-де-Толли при вступлении им в должность военного министра в феврале 1810 года, возможность отступления далее рубежа рек Северная Двина, Днепр формально не рассматривалась, но Москве в нем отводилась роль главного хранилища, из которого "истекают действительные к войне способы и силы". В Смоленске, Пскове и Кременчуге также планировалось сосредоточить большие запасы. Все это доказывает, что отступление восточнее указанного рубежа министр все-таки допускал. План Фуля в русской историографии оценивался как бездарный, нереальный и принесящий большой вред. В.В. Пугачев не соглашался с общей оценкой его, утверждая, что он основан на том же, что и план Барклая, и представляет собой частный, конкретный вариант действий с опорой на Дрисский лагерь. План мог быть осуществлен, но при определенных обстоятельствах. Идея фланговой позиции между главными дорогами, предложенная Фулем, небезосновательна. Позже ее претворил М.И. Кутузов в Тарутино, когда войска, занявшие фланговую позицию, успешно угрожали коммуникациям противника. Кроме того, действия двумя-тремя армиями против неприятеля, занимающего центральное положение, оказались эффективными в Березинской операции 1812 года, в кампании 1813 года. Но если осенью 1813 года 1,5-2-кратное превосходство в силах имели союзники, то в 1812 году сложилась ситуация, позволявшая Наполеону диктовать свою волю на любом направлении. Утверждение, что Александр I оказывал лишь отрицательное влияние на планирование и руководство военными действиями, не выдерживает критики. По основным военным вопросам он был единомышленником М.Б. Барклая-де-Толли, что говорит о глубоких познаниях царя в военном деле. Переписка его с Барклаем доказывает понимание обоими

принципов плана разгрома Наполеона путем истощения его сил в ходе отступления русских в глубь страны и неуклонное следование им{16}.

Наполеон, несмотря на то что в Испании, Германии и метрополии было оставлено до 500-600 тыс. солдат, сумел оперативно развернуть на западной границе России 440-тысячную армию. Центральная группировка, нацеленная на Смоленск, составляла 280 тыс. человек. Россия же сосредоточила западнее Смоленска 340 тыс. человек из полевых войск численностью 600 тыс.{17}. На направлении главного удара московском находились 1-я и 2-я Западные армии, исключая корпус П.Х. Витгенштейна, оставленный в районе Полоцка для прикрытия Петербурга, которые насчитывали 155 тыс. человек. В первые две недели войны русское командование убедилось, что события развиваются по наихудшему для России варианту и что необходимо действовать в соответствии с планом глубокого отступления. Между тем наполеоновская армия выбивалась из сил, пытаясь настигнуть отходящую с боями русскую. Жара, недостаток воды и продовольствия привели к отставанию -28- войск, гибели лошадей. Численность корпусов Наполеона, подошедших к Смоленску, сократилась с 280 до 180 тыс. человек. Небоевые факторы отрицательно действовали и на русскую армию. Части 1-й и 2-й Западных армий сократились со 155 до 130 тыс. человек{18}. План отступления был окончательно принят в Дриссе в начале июля. Он был оформлен в виде ряда указов и распоряжений о создании в районе Москвы мощного рубежа обороны "второй стены". В цитированном выше письме Н.И. Салтыкову император писал, что дальнейшее отступление, как и генеральное сражение, столь же необходимо, сколь и опасно. Днем раньше он распорядился о стягивании 30-тысячного резервного корпуса, сосредоточенного около Киева и Чернигова, к Калуге, т. е. в район на 400 верст восточнее расположения действующей армии. Указом от 6 июля объявлялось экстренное создание двухмесячного запаса провианта в Калуге и Твери{19}. Тогда же был объявлен манифест с призывом к всеобщему вступлению в ополчение. Тем самым война фактически объявлялась народной.

При отступлении предполагалось, сохраняя армию, измотать и истощить неприятеля, лишенного полноценного продовольствия и фуража, затем при благоприятных обстоятельствах, усилив войска резервами, вступить в генеральное сражение и остановить вторжение врага, атаковать его тыл силами Дунайской армии П. В. Чичагова. При неблагоприятных обстоятельствах (проигрыш сражения, неготовность резервов) предусматривалось использовать в дальнейшем такие факторы, как растянута коммуникаций противника, суровая зима и партизанская война на занятой французами территории.

Документы свидетельствуют, что Барклай и Александр как в июле-августе, так и в осенне-зимний период постоянно занимались вопросами подготовки к борьбе в глубине страны.

По мере отступления перед военным руководством все острее вставал вопрос о том, удастся ли довести план до реализации в условиях, когда в обществе и армии большинство людей не понимало неизбежности огромных жертв ради достижения победы. Даже такие заслуженные генералы, как П.И. Багратион, А.П. Ермолов и Д.С. Дохтуров, неадекватно реагировали на создававшуюся обстановку. В отступлении они увидели трусость и измену. Подозрения в конечном счете касались не столько "высочки" Барклая, сколько царя. Так, П.И. Багратион в письмах Ф.В. Ростопчину от 14 и 16 августа позволял себе такие намеки: "...как видно, не велено ему (Барклаю. С Ш.) ввязываться в дела серьезные ...От государя ни

слова не имеем, нас совсем бросил. Барклай говорит, что государь ему запретил давать решительные сражения, и все убегает. По-моему, видно, государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Я же думаю, [что] русский и природный царь должен наступательный быть, а не оборонительный мне так кажется "{20}.

Так или иначе назрела необходимость отъезда Александра I из армии в интересах стабильности государства имя царя не должно было связываться с крупными неудачами и просчетами. Император в данном случае последовал правилу Николо Макиавелли: дела, не угодные подданным, государи должны возлагать на других, а угодные исполнять сами. Таким образом, монарх из единомышленника "изменника" Баркляя превратился как бы в арбитра споров с ним генералов и сановников, что дало возможность впоследствии, отнимая у Баркляя его полномочия, сохранить преемственность в стратегических решениях. Накануне Бородинского сражения Барклай напомнил царю давний разговор на эту тему: "Я вам предсказывал, государь, что клевета и интриги успеют лишить меня доверия моего монарха..."{21}.

Большинство отечественных историков, за исключением, быть может, П.А. Жилина, отмечали несправедливость обвинений военного министра в трусости, полководческой бездарности, отсутствии патриотизма и измене. Вместе с тем все историки подчеркивали серьезнейший недостаток М.Б. Баркляя-де-Толли в сравнении с М.И. Кутузовым отсутствие к нему народного доверия. Дело, конечно, не в личности Баркляя. Отказ общества в доверии частное проявление конфликта между передовыми представителями власти, глубоко понимающими сложность задачи спасения Отечества, и господствующим классом, опасавшимся потерять источники своего благополучия и привилегии. М.И. Кутузов, оказавшись он на месте военного министра, осуществил бы такое же отступление и тоже подвергся бы осуждению, как и "немец" Барклай. Кутузову также пришлось бы скрывать от всех избранный путь к победе, поддерживать высокий боевой дух в армии, обещая скорое генеральное сражение, уклонение от которого привело бы к потере доверия в войсках. В доказательство того, что царь и Барклай в своих расчетах и планах сознательно следовали главным принципам плана глубокого отступления, приведем выдержки из их переписки. 6 июля император Александр писал адмиралу П.В. Чичагову: "Наполеон думал уничтожить нас под Вильной; но согласно принятому нами образу действий не подвергать себя опасности против превосходных сил и вести войну медленную, маневрируя, мы отступаем шаг за шагом, между тем как князь Багратион подвигается со своею армиею на правый фланг неприятеля. Вскоре мы надеемся действовать наступательно"{22}.

Через 12 дней, 18 июля, император писал адмиралу то же: "Мы ведем войну выжидательную, потому что против превосходных сил и методы Наполеона скоро оканчивать войну, это единственное средство к успеху, на которое мы можем надеяться"{23}. Не менее уверенно и четко излагал свое видение боевых действий Барклай в письме тому же П.В. Чичагову от 31 июля 1812 года: "Желание неприятеля есть кончить войну решительными сражениями, а мы, напротив того, должны стараться избегнуть генеральных и решительных сражений всею массою, потому что у нас армии в резерве никакой нет, которая бы в случае неудачи могла нас подкрепить, но главнейшая наша цель ныне в том заключается, чтобы сколь можно более выиграть времени, дабы внутреннее ополчение и войска, формирующиеся внутри России, могли быть приведены в устройство и порядок. В нынешних обстоятельствах не позволяется 1-й и 2-й армиям действовать так, чтобы недра государства ими прикрытые чрез малейшую в

генеральном деле неудачу подвержены были опасности, и потому оборонительное состояние их есть почти бездейственное; решение же участи войны быстрыми и наступательными движениями зависит непосредственно от Молдавской и 3-й армии и сие соответствует общему плану войны, по коему часть войск, на которую устремляются главнейшие силы неприятеля, должна его удерживать, между тем, что другая часть, находя против себя неприятеля в меньшем числе, должна опрокинуть его, зайти во фланг и в тыл большой его армии"{24}.

Барклай, оповестив в приказах и прокламациях армию и прифронтовые губернии о скором прекращении отступления, в письме царю от 12 июля вновь напомнил о необходимости сделать все нужные приготовления для обеспечения действий войск в направлении на Москву и Тверь. После отступления от Смоленска, когда недовольство в армии достигло апогея, Барклай стал сознательно скрывать свои истинные планы. 10 августа он писал Ф.В. Ростопчину: "...мы находимся в необходимости возлагать надежду на генеральное сражение. Все причины, доселе воспретившие давать оное, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России и, сверх того, мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были подвержены сугубой гибели и бесчестию"{25}. В действительности же Барклай не отказался от плана продолжать отступление. В донесении царю от 14 августа он, объясняя причину отсутствия наступательных операций, писал о том, что надо, насколько это возможно, сохранять армию{26}.

Приведенные факты и многие документы показывают, что в мерах, принятых Барклаем и императором Александром I в начальный период войны, нет метаний. Они следовали принципу уклонения от генерального сражения, что было невозможно осуществить без глубокого отступления, использования всех возможностей для истощения противника в небольших боях и на маршах, заблаговременной организации повсеместного сопротивления. План глубокого отступления практически был сформулирован 3-4 июля 1812 года и основывался на необходимости мобилизации сил страны. Будучи реалистичным, он позволял парировать возможные неудачи и случайности, послужил базой для последующего перехода в контрнаступление.

Примечания:

{*} Здесь и далее все даты указываются по старому стилю.

{1} Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839. Ч.1. С.134, 148; Труды Императорского русского военно-исторического общества (ИРВИО). СПб., 1910. Т.7. С.4-8, 16; Тарле Е.В. 1812 год. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.472, 473; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М: Соцэкгиз, 1962. С.117; Троицкий Н.А. 1812 год - великий год России. М.: Мысль. 1988. С.82, 122.

{2} Труды ИРВИО. Т.7. С.7-8; Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М.: Наука, 1987. С. 110-117; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1860. Т.1; 1812 год. К 150-летию Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. М., 1962; Тарле Е.В. Указ. соч. С.472-473; Троицкий Н.А. Указ. соч. С.124.

{3} 1812 год. К 150-летию Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. С.40.

- {4} Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч, Ч.1. Изд. 3-е. СПб., 1843. С.136-137.
- {5} Клаузевиц К. О войне. М.: Воениздат, 1937. Ч.II. С.179-183.
- {6} Богданович М.И. Указ. соч. Т.1. С.104.
- {7} Пюибюск М.Л. Письма о войне в России в 1812 году. М., 1833. С.148; Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М.: Археографический центр, 1995. С.432.
- {8} Беннигсен Л.Л. Письма о войне. Приложение к Военно-историческому вестнику. Киев: Губ. тип., 1912. С.144.
- {9} Стратегические исследования австрийских военных людей о войне Австрии с Россией. СПб., 1873. С.32-33 (хранится в библиотеке РГВИА).
- {10} Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.39. С.148.
- {11} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.22. С.16.
- {12} Вопросы истории. 1996. №2. С.71.
- {13} Fabry C. Compagne de Russia Paris, 1900. P.X.
- {14} История СССР. 1987. №4. С.126, 128; События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец, 1993. С.23-28; Советские архивы. 1985. №5. С.66-67; 1987. №6. С.72.
- {15} Русская старина. 1896. Март. С.501-502.
- {16} Харкевич В.И. М.Б. Барклай-де-Толли в Отечественной войне 1812 года. СПб., 1904. Приложение к XLIII тому записок Имп. Академии наук. С.7, 22, 27; Дубровин // Отечественная война в письмах современников (1812-1815 гг.). СПб., 1882; РГВИА, ф.1, оп.1, д.3574, ч.3, л.4.
- {17} История СССР. 1987. №4. С.125, 127.
- {18} Там же. С.131-133.
- {19} РГВИА, ф.28, оп.1, д.193, л.19-26.
- {20} Дубровин Н. Указ. соч. С.73, 98.
- {21} Харкевич В.И. Указ. соч. С.27.
- {22} Русский архив. 1870. Стб.1544.
- {23} Там же. Стб.1549-1550.
- {24} Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива. СПб.: Изд. ВУК Главного штаба, 1911. Т.XVII. С.168.
- {25} Дубровин Н. Указ. соч. С.89.
- {26} Военный сборник. 1903. №II. С.261. -30-